

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Юлиан Семенов

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Романы

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 30

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-20041-8

© Ю. С. Семенов (наследники), 2021
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ПЕТРОВКА, 38

ИНТРОДУКЦИЯ

— Слышь, Сань, ты не думай, я умный. Я все под контролем держал. Точка в точку сойдется. Он тут ходит, Сань. Он старый, силы в нем нет, а пистолет — на боку. Иль сменщик его — тот молодой, Сань, но это ничего, он молодой, да глупый. А пистолет нам нужен. Безрукие мы, когда пистолета нет. Слышь, Сань, ты не трясяся, не надо, я на риск не хожу, я всегда точно хожу, я все семь раз промеряю... Ты не трясяся, не надо, Сань...

— Я и не трясусь.

— Кассу возьмем на разживу, я ее заметил, кассу-то. А потом у меня два адресочка есть. Профессор и музыкант. На всю жизнь обеспечимся, только ты, Сань, не трясяся. Видишь, у меня рука холодная, это спокойный я, не боюсь, уверен я...

— Помолчи, Прохор.

— Да ты не тревожь себя, Сань. Ты думаешь, это страшно? Не-е, Сань. Человек как петух помирает, он в смерти тихий. Он ее с благостью принимает. Я знаю, я сам мертвым был.

— Когда он пойдет?

— Скоро, Сань. Скоро один из них пойдет. Вот держи кастет, он свинцовый, сразу валит, без звука. Ишь руки у тебя трясутся. Ты их погрей, руки-то, под мышки сунь, они свое тепло почувют, отойдут. Бить надо слабой рукой, она звереет, когда слабая-то.

МИЛИЦИОНЕР КОПЫТОВ

Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи. Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фро-

ся, вспухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню, громыхая у плиты чугунными горшками.

Копытов остановился и, прикрыв лицо от ветра, чиркнул спичкой. Закурил.

Он затанулся и, остановившись под фонарем, посмотрел на часы. Вздохнул, потому что вспомнил Генку — своего средненького. Утром, запершись в уборной, курил, сукин сын, а ведь только двенадцать стукнуло. Копытов долго раздумывал, стоит ли говорить жене, но потом все же решил не говорить. Он решил сам потолковать с Генкой по душам и увел его из дому. Копытов сел на скамеечку и начал Генку уговаривать. Генка молчал и мрачно глядел себе под ноги. Копытов говорил и говорил, и чем дальше, тем ясней чувствовал, что говорит он совсем не то, что следовало бы. Когда-то на него очень сильное впечатление произвел доклад, который сделал у них в отделении старичок-доктор. Особенно его поразило, когда доктор рассказывал, что никотином, если его собрать из одной пачки «Беломора», можно убить лошадь... И еще Копытову понравилось, когда старичок сказал, что лучше выпивать сто граммов водки перед обедом, чем курить хоть одну папиросу.

«Генке этого не выложишь», — подумал Копытов.

Он долго молчал, а потом сказал так:

— Эх, Генк, Генк... Вот ты молодой, а куришь. Я хоть и старый, а ты меня все равно не догонишь, если побежим.

— Догоню.

— Не...

— Догоню, пап, ты лучше не предлагай. Я в школе кросс первым пробегаю.

Копытов рассердился и подумал: «Ишь, сопляк, а самоуверенный».

— Я что сказал? — спросил он. — Или не слышишь? Беги!

Генка поднялся и снова уставился в землю.

— Давай до ворот! — сказал Копытов и побежал.

Он слышал Генкины шаги у себя за спиной. Он бежал все скорей и скорей, но уже ясно понимал, что долго так не пробежит, потому что начал задыхаться. Он обернулся и увидел Генку совсем рядом. Тот бежал легко и, конечно, мог бы легко его обогнать. Копытов остановился и долго дышал носом, чтобы восстановить дыхание. Потом сказал:

— Вот штука какая... А ты, понимаешь, спорил со мной.

— Я не спорил.

— Упрямый ты.

— Я понарошку курю, пап...

— Она как зараза. Сначала понарошку, а потом не вылезешь.

А ведь двадцать копеек за пачку. Помножь ее на триста — вот тебе и велосипед к празднику купим.

— А почему на триста?

— Год получится, не понимаешь, что ль? Триста дней — год.

Умножь на двадцать две копейки, если «Беломор» считать.

— В году триста шестьдесят пять...

— Ну, округлил я.

— Округлил, а выйдет не мужской, а подростковый.

— Так ты ж и есть подросток.

— Я пока подросток, а зато на нем переключения передач нету.

А без переключения — разве это машина?

— Я тебе переключение сам устрою.

— А сможешь?

— Чего не смочь? Конечно смогу.

Генка вздохнул, а потом улыбнулся.

— Пап, только это у нас как в сказке. Откуда мы с тобой по двадцать две наберем? Мамка ведь не будет нам специально на папиросы деньги давать. И потом — я не «Беломор», а «Дукат» все больше курю, а он всего семь копеек стоит.

— Высеку я тебя, Генка, — сказал Копытов, — а то уж больно ты дерзкий.

— Я не буду курить, пап, честное слово.

— Еще мать узнает... Знаешь, что будет?

— Знаю...

— Женщины, они ведь, сынок, нервные. А если еще это дело...

Копытов внезапно замолчал, потому что дальше он хотел говорить о водке, но вовремя спохватился, поняв, что с Генкой об этом говорить никак нельзя.

— Какое дело? — спросил Генка.

— Да так, к слову...

— Про двести с прицепом, что ль? — засмеявшись, сказал Генка. — Ты все думаешь, я маленький, а я через три года на завод пойду...

Копытов поздоровался с дворниками, которые сидели на скамеечке около дома номер семнадцать.

— Здравствуйте, Кузьма Семеныч, — ответили дворники в один голос.

- Все спокойно у вас?
- Порядок.
- Лешка из девятой не буянил?
- Притих.
- Мы ему в отделении сказали: еще раз напьешься — выселим из Москвы...
- Не, пока не нажирался, — сказал дворник Хайрулин.
- Парень хороший. На баяне играет, — сказал дворник Афонин.
- Слышь, Афонин, — спросил Копытов, — а в нашем универмаге велосипеды подростковые есть?
- Есть.
- А взрослые?
- Взрослых давно не завозили...
- Но бывают в продаже-то или химичить надо?
- Иногда бывают...
- А сколько стоит, не знаешь?
- Откуда я знаю, — ответил Афонин, — я свое откатал.
- Ну ладно... Завтра узнаю.
- Скоро к нам вернетесь?
- А вот участок обойду...
- Да посидите, Кузьма Семеныч... Покурим...
- Вернусь — и покурим... Я недолго...

Копытов шел вдоль темной аллеи. Он увидел согнутое молодое деревцо и начал рыться в карманах. Нашел кусок бечевки и подвязал деревцо к шесту, вбитому рядом.

Он отошел еще с полкилометра и увидел на скамейке двух мужчин. Они сидели, низко опустив головы.

Копытов подошел поближе и сказал:

— Ребятки, домой пора. Поздно.

Мужчина, что постарше, замотал головой и замычал что-то невнятное. Второй икнул и улыбнулся Копытову странной, мертвой улыбочкой. Копытов заметил, что лицо его бледно и покрыто испариной.

— И чего напились? — спросил Копытов. — Где живете? Пошли, помогу дойти хоть... Вот ведь нажрались-то, а...

Второй поднялся и стал раскачиваться с носка на пятку. Копытов взял его под руку. Удивился, потому что от человека совсем не пахло водкой.

— Или ты больной? — спросил Копытов. — Никак больной?

— Б-больной.

Копытов обернулся, чтобы спросить того, что помоложе, но ничего не успел спросить, потому что страшной силы удар обрушился на него, смял и бросил на землю. Падая, он увидел Генку, который ехал на взрослом велосипеде, жену и бабушку Фросю. Она пела песню и возилась с тестом. А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему — отныне и навсегда.

— Пусть шофер включит прожектор, — сказал оперуполномоченный МУРа Росляков.

Яркий свет прожектора резанул ночь легко, словно острый нож — кусок черного хлеба. Ночь раскололась надвое, и все увидели мертвого Копытова. Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек с большими руками крестьянина. Его руки словно жили еще. Они обнимали землю, сквозь которую пробивалась первая зелень, казавшаяся синей в белом свете прожектора. Росляков долго и внимательно рассматривал голову милиционера, пробитую у виска чем-то тяжелым.

— Вы еще будете долго работать? — спросил он эксперта.

— Право, не знаю. Он очень плохо лежит. Где фотограф, товарищи?

— Тогда вы работайте, а я поговорю с людьми.

Дворники ничего путного рассказать не могли, потому что, кроме самого Копытова, никого не видели, голосов не слышали, и вообще ничего такого, на что следовало бы обратить внимание, сегодня не случилось.

— Он все смеялся: «Велосипед куплю», — сказал дворник Афонин.

— Он тут у вас ни с кем не ссорился?

— Да господи, он же человек мягкий.

— Был, — поправил дворник Хайрулин, — был человек...

Проводник собаки Еремушкин, вернувшись, сказал, что след оборвался в километре отсюда, около стоянки такси.

— Там машин нет?

— Пусто.

Оперативник из отделения, ходивший вместе с Еремушкиным, сказал:

— Проходящая машина была, тормозной след посередине улицы оборван.

— Вы замеры?

- Да. И ширину и длину.
- Позвоните к дежурному, пусть сообщит в ОРУД.
- Хорошо...

После этого Росляков начал осторожно — метр за метром — осматривать землю вокруг убитого милиционера. Прежде чем сделать шаг, он внимательно обследовал то место, куда надо будет поставить ногу. Он помнил, как однажды комиссар сказал ему:

— Знаете, у кого надо учиться осторожности? У слепых. Они, пока место, куда надо ступать, не ощупают, ногой не шевельнут.

Росляков запомнил это и потом много раз убеждался в точности комиссаровских слов. Он сделал еще несколько шагов и сказал эксперту:

- Тут есть след.
- Сейчас.

Росляков осторожно подобрал окурок «Казбека» и в метре от окурка увидел окровавленную перчатку.

— Товарищ лейтенант, — окликнул его эксперт, — у Копытова пистолет срезан. Прямо с кобурой. Видно, за оружием охотились.

...Последовавшие за этим убийством события подтвердили предположение эксперта. В Москве начала орудовать банда вооруженных грабителей.

Через неделю утром комиссар вызвал к себе начальников двух ведущих отделов и спросил:

— Чем сейчас занимаются Костенко, Росляков и Садчиков? Снимите их со всех дел. Будем создавать специальную группу. Вызывайте сотрудников ко мне на совещание...

ПЕРВЫЕ СУТКИ

Специальная группа

— «8 мая 1962 года в 12:20 двое неизвестных в темных очках зашли в помещение скупки № 1678 по Средне-Самсоньевскому переулку и, угрожая пистолетом и ножами, забрали у работников скупки 384 рубля. Пригрозив, преступники потребовали не выходить из скупки в течение десяти минут после того, как закроется дверь. Работники скупки слышали, как заработал автомобильный мотор, но, когда они вышли, переулок был пуст».

«12 мая 1962 года в 17:45 двое преступников в темных очках вошли в домовую лавку по Холодному переулку, дом № 10/9, за-

перли дверь, перерезали телефон и, угрожая оружием, потребовали выдачи денег. Забрав дневную выручку в количестве 272 рублей, преступники скрылись в неизвестном направлении».

«16 мая 1962 года трое неизвестных зашли в приходную кассу № 765/941 по Большому Васильевскому переулку, дом № 17, заперли дверь, перерезали телефон и, угрожая пистолетом, потребовали у работников кассы всю дневную выручку. Контролер Быкова А. В. вступила в пререкания с преступниками. Воспользовавшись этим, кассир Ямщикова И. Б. нажала сигнальную кнопку. У входа раздался звонок. Преступник выстрелил в Ямщикову И. Б., но промахнулся. Преступники скрылись».

Комиссар кончил читать, несколько раз чиркнул зажигалкой, посмотрел на длинный язык пламени, осторожно дунул на него и закончил:

— Таким образом, все эти три ограбления совершены, бесспорно, одной бандой. Мне кажется, что цепочка эта организовалась после убийства Копытова. Так мне кажется... Выделяю специальную оперативную группу. Прошу Костенко и Рослякова задержаться, остальные свободны. Садчиков будет руководителем, так что вызывайте его из отпуска.

Кассир Ямщикова все время терла щеки, будто они у нее замерзли. Она говорила медленно, спотыкаясь, и, когда начинала новое слово, ноздри у нее раздувались и лоб стягивали морщины.

— Я сегодня с утра стала разбирать вчерашние документы, после того случая. Думала, все ли на месте. И вот нашла...

Она протянула Костенко расчетную книжку по уплате за коммунальные услуги. На первой желтой страничке было написано: «Самсонов Алексей Алексеевич. Улица Льва Толстого, дом 64, квартира 249».

Костенко записал фамилию и адрес на листок бумаги и пошел к телефону.

— Самсонов, — сказал он дежурному. — Да нет же, лучше я по буквам... Семен, Анна, Михаил... Самсонов. Немедленно наведите справку. Мы сейчас вернемся, так что поторопитесь.

Папа с мамой

Костенко даже не успел подняться к себе — дежурный сказал, что комиссар просит немедленно зайти к нему.

Костенко вошел в кабинет.

— Знакомьтесь, — сказал комиссар, — это товарищ Самсонов Алексей Алексеевич.

Самсонов поднялся со стула. Лицо его было опухшим и очень бледным.

— Здравствуйте, — сказал Костенко.

— Вот знаете ли, сын у Самсонова пропал. Ленька. Семнадцать лет парню. Домой не вернулся, папаша переживает.

Самсонов спросил:

— У вас курить можно?

— Чего ж нельзя, можно. Женщин нет.

— Благодарю.

— Благодарить будете, когда сын отыщется.

— Я не спал всю ночь.

— Еще бы! Костенко, свяжитесь с бюро несчастных случаев.

— Уже...

— Ну?

— Там ничего.

— Вы фотографии сына принесли? — спросил комиссар.

— Да.

Самсонов положил на стол десяток фотографий Леньки. Комиссар долго рассматривал парня, а потом спросил:

— Сами снимаете?

— Жена. Я только проявлял.

— Проявитель готовый берете или дома составляете?

— Нет, сам составляю... Вместе с Ленькой.

— Семейная артель?

Самсонов махнул рукой.

— Семейная канитель, — сказал он, — какая тут, к черту, артель!

— Пленка хорошая. Где купали?

— Это немецкая.

— Мелкозернистая?

— Да.

— А я, знаете ли, в воскресенье все магазины обошел — чувствительность сорок пять, и только.

— Вы с блицем попробуйте снимать.

— Какой же портрет с блицем? Это только встречи на аэродроме с блицем снимают. Ну-ка, Костенко, возьмите фото и сделайте копии. Позвоните, покажите, может, кто узнает.

Костенко сразу же позвонил к Ямщиковой, вызвал машину и поехал в приходную кассу. Он положил перед ней на столе несколько фотографий мужчин и подростков. Среди них была карточка Леньки Самсонова. Костенко положил ее с краю, прикрыв уголком другого фото так, чтобы она не бросалась в глаза.

Ямщикова увидела Ленькино лицо, побледнела и сказала тихо:

— Мальчик стоял у двери.

— Это точно?

— Абсолютно. Я не думала, что он такой молоденький. Они все тогда казались мне взрослыми.

— Стрелял не он?

— Нет, другой, в очках.

— А этот так и стоял у двери?

— Нет, кажется, тот, что был в очках, сказал ему: «Стань к окну».

А там стол. А на столе я потом нашла расчетную книжку. Погодите, погодите, у него еще в руках была большая книга. Совершенно верно, большая такая, в красном переплете. Это сейчас все вспоминается, вчера я вообще не могла в себя прийти.

— Понятно. А как книжка называлась, не помните?

— По темно-красному фону — черные слова, а я близорукая, название не разобрала.

Потом Костенко разложил фотографии перед контролером Быковой, и она тоже сразу, без колебаний опознала Леньку Самсонова.

— Он, ирод проклятый, — сказала женщина, — гадюка такая...

— Думаете, ирод? — переспросил Костенко и улыбнулся. — Ему всего семнадцать...

Прямо из кассы Костенко позвонил к комиссару и сказал:

— Он.

— Хорошо. Спасибо вам.

— Мне бы надо постановление... Посмотреть их квартиру...

— Вы давайте сюда подъезжайте. Тут решим.

Когда Костенко приехал в управление, Самсонов медленнопил валокордин. Комиссар подождал, пока тот допил лекарство, и спросил:

— Ну, в прятки нам играть или говорить открыто?

— Конечно открыто.

— Тогда рассказывайте, Костенко.

— Ваш сын, — сказал Костенко, откашлявшись, — вчера вместе с бандой грабителей совершил вооруженное нападение на приходную кассу. Они стреляли в женщину, но чудом не убили ее.

— Так, — сказал Самсонов. — Так, — медленно повторил он.
— Где он может быть сейчас? У родных, у друзей? Как вы думаете?

— Он должен вернуться домой, если жив.

— Он не вернется домой, Алексей Алексеевич. Это ваша? — спросил комиссар, положив на стол книжку расчета за коммунальные услуги.

— Наша, — тихо ответил Самсонов.

— Так вот. Ваш сын оставил ее на месте преступления. Теперь он будет скрываться, понимаете? Если он сразу не пришел к нам с повинной, он будет скрываться. Оружия у него не было?

— Что?!

— Вы проектировщик, в тайге бываете, у вас, видимо, есть нож. Или пистолет.

— У меня есть, но все это заперто в столе.

Комиссар снял трубку телефона, медленно негнущимся указательным пальцем набрал номер, досадливо поморщившись, подул в трубку и сказал:

— Машину к подъезду.

Опустив трубку, он спросил:

— Как сердце, отпустило?

— Сейчас легче...

— Значит, так. Надо будет сейчас произвести в вашей квартире обыск. Пока будете ехать, постарайтесь вспомнить всех друзей Леньки. Понимаете? Всех! Без исключения. Костенко, поезжайте. Да, когда появится Росляков, немедленно отправьте его в школу. Какой номер, не помните, Алексей Алексеевич?

— Девятьсот шестидесятая.

— Хорошо. Спускайтесь вниз, там «Волга».

— До свидания, товарищ комиссар.

— До свидания, товарищ Самсонов.

Когда он вышел, комиссар сказал:

— Успокойте его как-нибудь. В институте о нем говорят — золотая голова.

Пистолета в столе у Самсонова не оказалось. Зато на этажерке в комнате Леньки Костенко сразу же увидел большую книгу в красном переплете с крупными буквами: «Александр Фадеев. „Молодая гвардия“». Он отправил одного из оперативников в приходную кассу, тот вернулся через полчаса и сказал:

— Та самая.

Людмила Аркадьевна, жена Самсонова, ходила следом за Костенко и шептала:

— Это ошибка, послушайте! Леша, скажи им, что это ошибка. Ну что же ты молчишь! Скажи им, что это ошибка.

— Нет, — ответил Самсонов, — это не ошибка.

— Он несовершеннолетний, — сказал Костенко, — так что, может быть, учтут.

— Нет, это ошибка, — повторила Людмила Аркадьевна, — несчастный мальчик, он ничего не подозревает.

— Перестань, — сказал Самсонов. — Надо было раньше думать.

— Холодный и черствый человек, — горько усмехнулась Людмила Аркадьевна, — сердце у тебя мохнатое.

— У меня, наверное, уже нет сердца, — ответил Самсонов и лег на диван. Он снова сделался зеленым, и кончики пальцев у него посинели так, будто отошли в жаре после жестокого мороза.

— Уходите же, — сказала Людмила Аркадьевна, — ему плохо.

Костенко тихо ответил:

— Я уйду, а два наших товарища у вас останутся. И к телефону я попрошу вас не подходить.

— Это произвол, — сказала Людмила Аркадьевна.

— Нет, — ответил Костенко, — это не произвол. Это засада.

Где Ленька?

В школе, где учился Ленька Самсонов, шли последние дни занятий. Росляков пришел туда во время перемены и сразу же оказался среди визга, шума и смеха. Солнце пронизывало насквозь коридоры, и в его желтых косых лучах носились белые пушинки тополей.

— Десятый «А» где? — спросил Росляков девушку, которая сидела на подоконнике с книгой, прижатой к груди.

— На пятом.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Росляков поднялся на пятый этаж и подошел к дверям класса. Там что-то кричали ребята, перебивая друг друга. Росляков поманил к себе парня с повязкой дежурного на рукаве, который ходил по коридору, наблюдая за порядком, и попросил:

— Леньку позови, пожалуйста.

— Какого?

- Самсонова.
- Так он же исключен.
- Почему?
- А он бульдога в класс привел.
- Ну и что?
- Ничего. Рычал. Галина Михайловна упала в обморок. Она собак боится. Леньку за гриву в учительскую, оттуда в милицию — и «ариведерчи, Рома».
- Это когда же было?
- Позавчера.
- А сейчас он где? Дома?
- Что вы!.. Он до этого-то домой только спать ходил. У него предки цапаются. Мы его искали, думали, чтоб он повинился, пустил слезу, но нет нигде. Может, Лев знает.
- А это кто?
- Лев Иванович, учитель по литературе. Подпольная кличка — Лев без единого зуба.
- Почему Лев должен знать?
- А он у Льва любимчик. Стихи пишет.
- Хорошие?
- Ничего. Мне стихи бим-бом, я все больше по химии. А вы откуда сами?
- Знакомый его. Он мне трешницу должен был, велел зайти. А где его друг, тот... этот... Ну..
- Сема?
- Да.
- Сейчас позову..
- Зазвенел звонок. Ребята бросились по своим классам. Из-за двери выглянул большеголовый черный парень и спросил:
- Это ты от Леньки?
- Нет. Сам его ищу, — ответил Росляков. — Он у тебя заперся?
- Да нет!.. Я его обыскался — нигде нет. Он ведь псих. Ты подожди, англичанка идет, после урока поговорим.
- Ладно, — ответил Росляков и пошел к директору.

- Не может быть, — тихо сказал директор. — Когда это случилось?
- Позавчера.
- Позавчера? В какое время?
- В четыре.

— В час мы его исключили из школы.
 — А в милицию его за бульдога надо было обязательно таскать?
 — Это глупость. Меня здесь не было, понимаете? А завуч решила его припугнуть.

— Что, милиция в роли огородного чучела? Очень умно, а?!
 — Да, да, вы правы, конечно.
 — Великое преступление — бульдога привел!
 — С другой стороны, не маленькое, по школьным законам.
 — Закон есть один. Школьными бывают порядки.
 — Да, да... Какой ужас! Талантливый парень, просто не верится... Что же делать? Где хоть он?

— Это я здесь хотел выяснить. Кто его самый большой друг?
 — Он общительный мальчик. У него много товарищей.
 — А Сема?
 — Рывчук?
 — Я не знаю. Черный, голова у него здоровая.
 — Да, это он. Кажется, они дружат.
 — Какой у него адрес, можно узнать?
 — Сейчас.

Директор вернулся и положил перед Росляковым листик бумаги, на котором был написан адрес Рывчука.

— Да, кстати, — сказал директор, — он дружил с Тюриным. Он наш выпускник, теперь студент...

— Я позвоню, — сказал Росляков. — Вы разрешите?
 — Прошу.

Росляков набрал номер и сказал:

— Слава, тут один адресок есть. Запиши, пожалуйста: Новый проспект, семь, квартира девять. Рывчук. Это его друг. И еще Тюрин, адрес надо выяснить.

Он положил трубку, вздохнул и спросил:

— А Лев Иванович ничего знать не может?
 — Лев Иванович... Погодите, погодите... Вы правы... Очень может быть. Сейчас я его приглашу, у него как раз «окно».

Лев Иванович оказался стариком с бородой, совершенно беззубым, с удивительными голубыми глазами. Они у него были пронзительные и чистые, как вода. Он сел напротив Рослякова и спросил директора:

— Чем могу?..

Директор сказал смущенно:

— Вот товарищ...

- Я из угрозыска.
 - Очень неприятно.
- Росляков засмеялся:
- Даже так?
 - Именно так... Угрозыск в школе — это всегда тревожно... Что вас к нам привело?
 - Самсонов.
 - Леонид?
 - Да.
 - Что-нибудь по поводу собаки?
 - Нет. Он участвовал в вооруженном ограблении приходной кассы.

Лев Иванович поднялся. Секунду он стоял молча, а потом спросил:

- Когда это было?
- Позавчера в четыре.
- Тут не может быть ошибки?
- Нет. Мы ищем его. Вы ничего о нем не знаете?

Лев Иванович долго молчал, прежде чем ответить. Сегодня утром Ленька позвонил ему и сказал, что хочет прийти и поговорить. Лев Иванович назначил ему ровно на четыре. Ленька и раньше бывал у него, но всегда без звонка. Просто приходил, и старику не было скучно сидеть с ним вечера напролет. Парень был напичкан поэзией, и его стихи казались Льву Ивановичу талантливыми, совсем не школьными и не детскими.

- Нет, — ответил он наконец, — я ничего о нем не знаю.
- Самое худшее заключается в том, — сказал Росляков, — что парень украл у отца оружие. Он как волчонок сейчас.
- Раскаяние и чистосердечное признание... Добровольная отдача себя в руки властей — это учитывается юрисдикцией или сие формальность? — спросил Лев Иванович.
- Учитывается, — ответил Росляков, внимательно поглядев на учителя. — Сие по новым временам — не формальность, смею вас уверить...

Ленька пришел к Льву Ивановичу ровно в четыре. Старик негромко крикнул из комнаты:

- Ты ноги, пожалуйста, вытри, я сегодня натер пол!

Ленька стоял в коридоре большой коммунальной квартиры возле открытой двери Льва Ивановича. Он стоял, закрыв глаза, устало

опустив руки вдоль тела, взъерошенный, осунувшийся и по-мальчишески еще нескладный. Несколько раз он собирался переступить порог, но каждый раз что-то удерживало его, и сердце гулко падало в груди, а кровь прилиwała к голове и щекам. Потом он вошел и сказал:

— Здравствуйте, Лев Иванович.

— Здравствуй, Леонид. Садись.

— Спасибо. Постою. В ногах правда.

— Скверное настроение? — спросил старик.

— Скверное. Хорошее какое слово — «скверное». Почему-то оно уходит из устной речи.

— Век требует более резких определений, да? «Дрянное» — это, по-видимому, точнее?

— В моем положении — да.

— А что случилось?

— Да ничего особенного... Так, глупость...

— У нас сейчас с тобой идет разговор по принципу: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли, не так ли?

— Вроде бы...

— Жаль. Надо быть всегда искренним. Как Достоевский. По моему, он самый искренний человек из всех искренних.

— Он был жестоким.

— Есть жестокость и жестокость. Важно, на чем она зиждется.

— Можно ли оправдывать жестокость, Лев Иванович?

— Можно. Восторгаются ведь Желябовым, Перовской и Кибальчичем, которые убили императора Александра Второго, а ведь он, по отзывам некоторых современников, был, я бы сказал, обаятельным человеком. Понимаешь? Жестокость Желябова была жестокостью правды во имя доброты.

— А жестокость по отношению к человеку, совершившему глупость?

— Какую глупость?

— Просто глупость. Обыкновенную глупость.

— Видишь ли, человек, совершающий обыкновенные глупости, либо психически нездоров, либо предельно эгоцентричен. По-видимому, надо очень четко и честно определять людские поступки, и тогда то, что нам кажется глупостью, может на поверку оказаться либо преступлением, либо узкомыслием. Узкомыслие в больших вопросах — также преступно. И в общегосударственных, и в человеческих.

— А если преступление рождено глупостью?
— Оно так же ужасно, как и рожденное умом. Тут разница только в степени жестокости. Кстати, иной раз преступление, продиктованное глупостью, бывает более жестоким, нежели рожденное умом. И то и другое должно быть наказуемо.

— Но преступление не принесло никому никакого вреда.
— Так не бывает. Преступление, даже не совершенное, а задуманное, уже породило преступника.

— Вы учили меня честности в поэзии, Лев Иванович...
— Не может быть честности в чем-то. Это не честность, если она частична. Честность должна быть генеральным качеством человека.

— Лев Иванович...
— Да.
— Знаете, наверное, мир все-таки ужасно устроен.
— Чепуха. Он устроен логично, а потому — прекрасно.
— Логична геометрия, — сказал Ленька, — а что в ней прекрасного?

— Мы же говорим о мире, а не о геометрии...
— Лев Иванович...
— Слушаю тебя...
— Можно, я попью воды?
— Конечно.

Ленька ушел на кухню, и старик услышал, как он пустил воду из крана. Учитель знал, что Ленька всегда подолгу ждет, пока сойдет теплая вода и пойдет студеная, «из земли». Потом он услышал, как Ленька стал пить воду. Он пил ее прямо из-под крана, чмокая губами. Потом стало тихо, и только несколько капель звонко разбились в раковине.

«А ведь это все какая-то дикость, — подумал Лев Иванович, — наваждение...»

Этот не знает

Тюрин — выпускник той школы, где учился Ленька, — сидел дома и чертил хитрый курсовой чертеж. Он услышал протяжный звонок и пошел открывать дверь.

— Кто там?
— С Мосгаза.
Он открыл дверь, впуская Костенко, и сказал:
— Только извините, я в трусах.

— В трусах — не в бюстгальтере, — ответил Костенко, — переживу.

Тюрин засмеялся.

— Веселый Мосгаз, заходите...

— Я тягу проверить, — сказал Костенко.

— Тянет хорошо.

— Порядок есть порядок.

Тюрин притащил лесенку, поставил ее к ногам Костенко и вернулся к своей чертежной доске.

— Вы б поддержали меня, а то загремлю, — попросил Костенко.

— Вы долго будете тягу смотреть?

— Тягу не смотрят, ее чувствовать надо...

— Тяга — она, как говорится, и есть тяга...

Костенко взобрался на лестницу, продолжая ворчать:

— Сейчас в двести сорок девятой был, так лесенку попросил, а хозяйка меня обругала.

— Людмила Аркадьевна?

— А бог ее знает... Фифочка.

— Женщина с характером. Кого угодно доведет.

— Это уж я не знаю, а меня она довела. А сама стоит и плачет.

— Из-за Леньки...

— Это кто? Хахаль?

— Сын.

— Женился?

— Из дому сбежал.

— Куда?

— Я думаю, куда-нибудь в Сибирь подался.

— А почему в Сибирь?

— Я там в экспедиции был, с ума сойти, как здорово, ему кое-что рассказал, так он мне потом говорит: «Сбегу к чертовой матери».

— В той комнате у вас стена капитальная?

— В столовой?

— Да. Там, где дверь закрыта.

— Не знаю. Вы сами посмотрите.

Костенко зашел во вторую комнату, постучал по стене, быстро огляделся, увидел большой стол, маленькую горку для посуды и несколько стульев. Леньки там быть не могло. Он вышел в коридор.

— Придется еще прийти к вам, — сказал Костенко.

— Только пораньше приходите, а то я в институте, мамаша на фабрике, дом пустой.

— Ясно. Мне к этой дамочке снова надо идти, а душу выворотит. Дождусь, пока ее парень вернется.

— Ленька? Он не вернется.

— Неужто мать не жалко?

— Нет, жалко, конечно... Родители как-никак.

— Если он письмо вам черкнет, сказали бы матери-то...

— Думаете?

— Точно. Переживает — лицо как свекла стало. А что вы, друг ему?

— Друг не друг, а товарищ.

— Ну, пока.

— Всего хорошего.

— Так наши еще раз зайдут.

— Хорошо. Только утречком.

— Ясно. До свидания.

— Счастливо.

Леньке плохо

Людмила Аркадьевна стояла в спальне у окна и плакала. Оперативник из отделения сидел около телефона. Телефон молчал. Самсонов полулежал в кресле. Рядом с ним был Росляков.

— Алексей Алексеич, — сказал он, — вы не можете вспомнить, как у вас прошел позавчерашний день?

— Вас интересую я?

— Меня интересует все.

Самсонов отвернулся к окну.

«Позавчера, — вспоминал он. — Что же было позавчера? Днем я был в Министерстве финансов. Потом вернулся в институт. Это было, кажется, часов в пять...»

Он чувствовал усталость во всем теле. Ему было больно пошевелиться. Он слышал, как в приемной секретарша печатала на машинке. Стук клавишей казался ему оглушительным грохотом. Самсонов нажал кнопку вызова секретаря и услышал, как в приемной пронзительно и тревожно зазвенел звонок. Стук клавишей сразу же прекратился, зато громко и быстро затопали каблучки. Он поморщился.

Вошла секретарша и улыбнулась дурацкой киноулыбкой.

«Откуда это у нее? — подумал Самсонов. — Такая славенькая, а улыбается, как звереныш».

— Вы звали меня?

— Да. У вас еще много работы?

— Пять страниц.

— Хорошо. Только, пожалуйста, подложите что-нибудь под машинку. Она ужасно гремит.

...Из своего кабинета Самсонов ушел около десяти, когда все цифры и выкладки, необходимые для завтрашнего совещания по проекту, были им выверены по нескольку раз. Он отпустил шофера и пошел домой пешком. Он шел и чувствовал, как в затылке у него снова нарастала боль; он ощущал, как боль растекалась по всему телу, проникала в позвоночник, в предплечья, в пальцы и в кончики ногтей.

Около самого дома эта проклятая боль, доставшаяся ему в наследство от контузии, стала немыслимой. Он остановился и, прислонившись к стене, замер. Потом начал осторожно массировать виски. Какой-то паренек, проходивший мимо, спросил:

— Вам плохо?

— Немножко, — ответил Самсонов сквозь зубы.

— Тут в гастрономе воду продают.

— Спасибо, — сказал Самсонов и пошел в гастроном.

Он выпил стакан нарзана, и в голове у него зазвенело тонко-тонко, будто в тайге весной, когда много мошки. Самсонов очень любил это время в тайге. Он полюбил его с сорокового года, когда проектировал дорогу от Магадана к прииску Стремительному.

Когда он вошел в квартиру, Людмила Аркадьевна сидела посредине столовой в вечернем платье. Глаза у нее были красные и злые.

«Черт, ведь сегодня мы должны были идти в театр, — сразу же вспомнил Самсонов и похолодел. — Сейчас начнется...»

— Людочка, — сказал он тихо, — я совсем замотался, прости меня.

Людмила Аркадьевна молчала.

— Я готовился к завтрашнему совещанию у...

Она перебила его:

— У какой-нибудь очередной бабы?

— Как тебе не совестно!..

— Это ты мне говоришь о совести? Я целыми днями стою у плиты, мне опротивело все это!

— Пойди работать.

— Негодяй!
— Ну вот...
— Ты исковеркал всю мою жизнь, понимаешь? Я готовила тебе еду, гладила рубашки и воспитывала твоего сына! А ты шатался, где хотел! А мне уже сорок!

— Здесь же Ленька...
— Он взрослый мальчик, он все понимает!

Самсонов махнул рукой и начал снимать галстук. Потом он пошел в спальню.

— Как мартовский кот, — продолжала говорить Людмила Аркадьевна, — напакостил — и дал деру!

— Это мы так воспитываем сына?
— Ты еще издеваешься надо мной!
— Миронова и Менакер. Театр миниатюр.

Самсонов захлопнул дверь и лег на тахту. Людмила Аркадьевна распахнула рывком дверь, стала на пороге и сказала:

— Если ты сейчас же не прекратишь своих безобразий, я... я...
— Повесишься, — устало отозвался Самсонов, — знаю, слышал.
— Мальчик, — крикнула Людмила Аркадьевна, — послушай, как глумятся над твоей матерью!

Ленька медленно вышел из самсоновского кабинета. Самсонов заметил, что лицо у парня белое, с синяками под глазами.

— Что с тобой?
— Это ты доводишь его до болезни! — крикнула Людмила Аркадьевна.

— Что с тобой? — повторил Самсонов, поморщившись.
— Ничего, — ответил Ленька, — просто я вас ненавижу...

И — ушел из дому.

Самсонов обернулся к Рослякову и сказал:

— В общем-то, ничего особенного позавчера не произошло.
— Ссоры дома никакой не было?
— А это, пожалуй, наше личное дело.
— Если бы не ограбление приходной кассы.
— Вы проводите связь между этими событиями?
— Я пока, Алексей Алексеевич, ничего не провожу. Я пока спрашиваю...

— Ну дальше? — попросил Лев Иванович.
— А дальше я хотел все рассказать отцу.
— Почему не рассказал?

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТРОВКА, 38	5
ОГАРЕВА, 6	171
ПРОТИВОСТОЯНИЕ	317
ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ... ..	577

Семенов Ю.

С 30 Противостояние : романы / Юлиан Семенов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 864 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-20041-8

Юлиан Семенович Семенов — русский писатель, историк, журналист, автор знаменитого романа «Семнадцать мгновений весны» (1970) и еще полутора десятка произведений о разведчике-нелегале Максиме Исаеве (он же Макс Отто фон Штирлиц), чье имя и образ приобрели в позднесоветскую и постсоветскую эпоху поистине культовый статус. Однако, помимо романов о Штирлице, Ю. Семеновым написано несколько прозаических циклов с участием других героев — в том числе включенная в настоящий сборник детективная трилогия о работе оперативников Московского уголовного розыска во главе с майором (впоследствии полковником) Владиславом Костенко: «Петровка, 38» (1963), «Огарева, 6» (1972) и «Противостояние» (1979), — считающаяся, наряду с «Семнадцатью мгновениями...», вершиной творчества писателя. Динамичное действие, рельефно очерченные человеческие характеры, документальность фабулы, достоверность нюансов повседневной милицейской работы сделали эти книги бестселлерами и предопределили их перенос на кино- и телеэкраны. С одним из персонажей этой трилогии — журналистом Дмитрием Степановым — читатель встречается и в романе «ТАСС уполномочен заявить...» (1979). Детектив о деятельности советской контрразведки, нейтрализовавшей агента ЦРУ по кличке Умный и сорвавшей военный переворот в вымышленном африканском государстве Нагония, частично основан на реальных событиях (так называемое дело Огородника) и лег в основу одноименного многосерийного телефильма (1984), который, как и экранизации других книг писателя, вошел в золотой фонд советского кинематографа.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ЮЛИАН СЕМЕНОВИЧ СЕМЕНОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Романы

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Валерий Камендо, Римма Тахтаракова,
Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.11.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 54. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-ARL-28825-01-R